

А. А. Горский

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ РУССКОГО ВОЙСКА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Ранние источники, повествующие о Куликовской битве, дают очень немного сведений о том, отряды каких русских земель и княжеств участвовали в походе великого князя Дмитрия Ивановича на Дон. Рассказ Рогожского летописца и Симеоновской летописи (восходящий к летописному своду начала XV в.¹), кроме самого Дмитрия, упоминает только двух князей – Федора Романовича Белозерского и его сына Ивана, и то в силу того, что они пали в сражении². Рассказ Новгородской I летописи младшего извода (восходящий к новгородскому своду начала XV в.³) упоминает также об участии в битве двоюродного брата Дмитрия – серпуховского князя Владимира Андреевича⁴. Т. н. «Летописная повесть о Куликовской битве», восходящая к своду, создание которого относится к концу 10-х или первой половине 20-х в. XV в.⁵ (древнейшие дошедшие до нас варианты – в Новгородской IV и Софийской I летописях), говорит также о наличии в войске Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, литовских князей, в 1378–1379 г. перешедших на службу к Дмитрию Московскому⁶. Андрей ранее княжил в Полоцке, а после своего отъезда из Литвы в 1377 г. – во Пскове; Дмитрий был прежде князем брянским, а перед походом к Дмитрию Ивановичу – трубчевским⁷. Можно заключить, что под их началом находилось какое-то количество служилых людей из Полоцка и Черниговщины, а также псковичей (об их присутствии в «Повести» говорится прямо). В перечне убитых в «Повести», помимо белозерских князей, упоминаются также князь Федор Тарусский и брат его Мстислав, а также (только в тексте Софийской I летописи) князь Владимир Дорогобужский⁸; из этого следует, что в сражении участвовали силы из Тарусского княжества – пограничного с Московским верхнеокского княжества Черниговской земли, и из Вяземско-Дорогобужского, самого восточного из княжеств Смоленской земли. «Задонщина», первоначальный вариант которой был создан, по-видимому, вскоре после Куликовской битвы⁹, утверждает, что в походе участвовал отряд новгородцев¹⁰. В двух списках «Задонщины» – Ундольского и Исторического музея I – наличествует также перечень количества погибших знатных людей: кроме белозерских князей и бояр с территорией Московского и великого княжества Владимирского (московских, коломенских, серпуховских, переяславских, костромских, владимирских, дмитровских, можайских, звенигородских, углицких), там названы «посадники»

¹ См.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 11–15.

² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 139–140; Т. 18. СПб., 1913. С. 129–130; Памятники Куликовского цикла. С. 9–10.

³ См.: Памятники Куликовского цикла. С. 23–27.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 376–377; Памятники Куликовского цикла. С. 22–23.

⁵ Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV века // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993; Памятники Куликовского цикла. С. 42–47.

⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 314 (Новгородская IV летопись); Памятники Куликовского цикла. С. 32 (текст Софийской I летописи старшего извода), 68 (текст Карамзинского списка – т. н. Новгородской Карамзинской летописи, представляющей наиболее раннюю редакцию Новгородской IV; Софийская первая летопись старшего извода (ПСРЛ. Т. 6. Ч. 1). М., 2000. Стб. 458).

⁷ См.: Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 158–166.

⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 321; Памятники Куликовского цикла. С. 88–59, 77–78; Софийская I летопись. Стб. 466.

⁹ См.: Кучкин В. А. К датировке «Задонщины» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.

¹⁰ Памятники Куликовского цикла. С. 98, 113, 127. Об этом же говорит новгородский синодик XVI в., содержащий поминание о «на Дону избяеных братии нашей при велицем князи Дмитреи Ивановичи» (Шляпкин И. А. Синодик 1552–1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 7).

новгородские, паны литовские (только в списке ГИМ), а также бояре суздальские, муромские, рязанские и ростовские¹¹. Если под «панами литовскими» имеются в виду отряды Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, то упоминание рязанских бояр вызывает сомнение, поскольку известно, что князь Олег Рязанский занимал в конфликте с Мамаем 1380 г. если и не враждебную Москве позицию, то уж во всяком случае не союзническую¹². Правда, можно допустить, что речь идет о боярах Пронского княжества – удельного княжества Рязанской земли; известно, что в битве на Воже 1378 г. одним из флангов русского войска командовал князь Даниил Пронский¹³. Но нельзя исключать, что расчет погибших бояр – позднее добавление к первоначальному тексту «Задонщины», появившееся при создании ее Пространной редакции (датируемой скорее всего 70-ми г. XV в.¹⁴). Перечисленные сведения дают, таким образом, довольно мало материала для заключений, какие войска участвовали в Куликовской битве, помимо ратей, собранных с территории собственно Московского к принадлежавшего Дмитрию Ивановичу великого Владимирского княжеств.

Наиболее подробные сведения о составе русского войска (точнее, сведения о его «командном составе», позволяющие говорить о том, рати с каких территорий выступили в поход) содержатся в трех источниках: «Сказании о Мамаевом побоище»¹⁵, Новгородской летописи Дубровского¹⁶ и Архивской летописи¹⁷. Два последних восходят к общему протографу – новгородскому оводу 1539 г.¹⁸, и тексты, относящиеся к интересующему нас вопросу, в них идентичны. «Сказание о Мамаевом побоище», как теперь можно считать установленным, было создано в начале XVI века¹⁹. Таким образом, оба памятника, доносящие подробные данные о составе армии Дмитрия Донского в 1380 г., поздние, отстоящие от событий более чем на столетие. В историографии состав русского войска освещается обычно на основе именно этих источников²⁰. Однако по причине их позднего характера высказывались сомнения в достоверности сведений «Сказания» и летописей Дубровского и Архивской по этому вопросу²¹.

¹¹ Памятники Куликовского цикла. С. 119, 131–132.

¹² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 140; Т. 18. С. 130; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 311–312, 314.

¹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 134–135; Т. 18. С. 126–127.

¹⁴ См.: Кучкин В. А. «Дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1999.

¹⁵ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 30, 34.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 486.

¹⁷ РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 366 об. – 367; Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. СПб., 1904. С. 24–25.

¹⁸ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 37, 52–54.

¹⁹ См.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 109–114; Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoria. Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.

²⁰ При этом одни авторы отдавали предпочтение «Сказанию» (Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 355–356), другие – летописи Дубровского (Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 501–502), третьи соединяли сведения того и другого (Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 607–608; Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 51–52; Каргалов В. В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII–XVIII вв. М., 1998. С. 64), невзирая на то, что они практически полностью противоречат друг другу.

²¹ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». С. 496–500, 505–506; Салмина М. А. Еще раз о датировке Летописной повести о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 21; Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 7. С. 15; Скрынников Р. Г. Куликовская битва: проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 63–65; Живая вода Непрядвы. М., 1988. С. 558–559 (А. И. Плигузов). Мнение, согласно которому летопись Дубровского донесла древнейший рассказ о сражении (Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского (Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974), убедительно опровергнуто М. А. Салминой, показавшей, что ее текст вторичен по отношению к тексту Новгородской IV летописи, которая была источником свода 1539 г. (Салмина М. А. Еще раз о датировке Летописной повести о Куликовской битве. С. 6–22).

Прежде чем подступить к оценке данных «Сказания о Мамаевом побоище» и летописей Дубровского и Архивской (далее их текст об «уряжении полков» обозначается как НДубр-Арх), надо обратить внимание на то, что имеется возможность очертить круг княжеств – вероятных участников Куликовской битвы, исходя из состояния военно-политических отношений Москвы с соседними политическими образованиями до и после Куликовской битвы. В 1374 г. на съезде в Переяславле был оформлен союз русских князей во главе с Дмитрием Ивановичем, предусматривавший, в частности, возможность военных действий против Орды Мамая²². Сложившаяся тогда коалиция показала себя в следующем, 1375 году, когда была приведена в покорность Тверь, чей князь Михаил Александрович получил от Мамая ярлык на великое княжение владимирское. В походе на Тверь участвовали, кроме Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича Серпуховского, суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович, его сын Семен и братья Борис (князь городецкий) и Дмитрий Ноготь, ростовский князь Андрей Федорович, устюжские князья Василий и Александр Константиновичи²³, вяземский князь Иван Васильевич²⁴, ярославские князья Василий и Роман Васильевичи, белозерский князь Федор Романович, кашинский князь Василий Михайлович, моложский князь Федор Михайлович, стародубский князь Андрей Федорович, бывший брянский князь Роман Михайлович²⁵, новосильский князь Роман Семенович, оболенский князь Семен Константинович, тарусский князь Иван Константинович и новгородские силы²⁶.

Еще одним доходом, участники которого подробно описаны, был поход Дмитрия Донского на Новгород зимой 1386–1387 г. В данном случае состав войска приведен не по князьям, а по городам. В походе приняли участие «рати» с территории великого княжества Московского и Владимирского – московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, владимирская, юрьевская, костромская, углицкая, галицкая, бежицкая, белозерская, вологодская, новоторжская – а также «рати» из Мещеры, княжеств Муромского, Стародубского, Суздальского, Городецкого, Нижегородского, Ростовского, Ярославского, Моложского²⁷. Отличия состава войска 1386–1387 г. от войска 1375 г. (помимо того, что новгородцы стали теперь противной стороной) следующие:

1. «Белозерская рать» в результате перехода Белоозера после гибели князя Федора Романовича на Куликовом поле в состав московских владений оказалась в ряду великокняжеских сил.

2. Отсутствовали войска Вяземского княжества, т. к. князь Иван Васильевич погиб в 1386 г. в битве смоленских князей с Литвой под Мстиславлем, а его сын тогда же подписал договор, по которому смоленские князья попадали в зависимость от Литвы²⁸ (т. е. Вяземское княжество выпало тем самым из коалиции, возглавляемой Дмитрием Донским).

3. Отсутствует рать из Кашинского княжества, т. к. после смерти Василия Михайловича Кашинского в 1382 г. Кашин отошел к тверскому князю Михаилу Александровичу²⁹

²² См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 90.

²³ О том, что эти князья правили в Устюге, см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 270, 276–279.

²⁴ Иван Васильевич назван «Смоленским» по принадлежности к смоленскому княжескому дому, а княжил он в Вязьме (см.: Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 37–38 и С. 97, прим. 79).

²⁵ Он утратил Брянск еще в 60-е г., когда тот попал под литовскую власть (см.: Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (кон. XIII – нач. XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 88–91).

²⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 110–111.

²⁷ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Стб. 345.

²⁸ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 152–155; Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 73–74.

²⁹ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 110.

4. Отсутствуют силы верховских княжеств (Новосильского, Тарусско-Оболенского), что объясняется, очевидно, удаленностью их (пограничных с ордынской территорией) от театра военных действий (союз князей этих земель с Дмитрием сохранялся – в 1385 г. Роман Новосильский и тарусские князья участвовали в войне Москвы с Рязанью³⁰).

5. На сей раз в походе участвуют войска из Муромского княжества и Мещеры³¹.

Можно с уверенностью полагать, что в 1380 г. сборы русского войска исходили в основе из той же коалиции княжеств: в августе 1380 г. Дмитрий Иванович имел достаточно времени для обора войск – не меньше, чем в 1375 г., поскольку Мамай не торопился с продвижением, ожидая подхода войска Ягайлы³². Имеющиеся в ранних источниках о Куликовской битве отрывочные сведения об участвовавших в сражении князьях подтверждают правильность такого подхода: в них упоминаются белозерские и тарусские князья, а также князья дорогобужский (Дорогобуж был вторым по значению городом в Вяземском княжестве, и павший на Куликовом поле князь Владимир Дорогобужский, возможно, брат Ивана Васильевича Вяземского), т. е. представители трех далеко отстоящих друг от друга районов, входивших в область «мобилизации» 1375 и 1386 г.: Белоозеро является ее крайней северной точкой, Вязьма с Дорогобужем – крайней западной, а Таруса – самой южной после Новосильско-Одоевского княжества. Попытаемся теперь, исходя из вероятности сходства состава русского войска в 1380 г. с участниками походов 1375 и 1386–1387 г., оценить достоверность перечней, содержащихся в «Сказании о Мамаевом побоище» и НДубр-Арх.

В «Сказании о Мамаевом побоище» вначале говорится, что к Дмитрию Ивановичу пришли князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, князья Андрей Кемский, Глеб Каргопольский, андомские князья, Андрей Ярославский, Роман Прозоровский, Лев Курбский и Дмитрий Ростовский, а затем приводится «уряжение полков» при сборе их в Коломне. Согласно этому «уряжению», великий князь взял к себе в полк белозерских князей, командовать полком правой руки поставил Владимира Андреевича Серпуховского, придав ему ярославских князей, полком левой руки – князя Глеба Брянского. Передовым полком командовали московские воеводы (родом из смоленских князей) Дмитрий Всеволож и Владимир Всеволож. Далее перечисляются воеводы ратей, собранных с московских владений: над «коломничанами» был воеводой боярин Микула Васильевич, владимирской и юрьевской ратью руководил Тимофей Волуевич, костромской – Иван Родионович Квашня, переяславской – Андрей Серкизович. У князя Владимира Андреевича воеводами, согласно «Сказанию», были Данило Белеут, Константин Конанов и князья Федор Елецкий, Юрий Мещерский, Андрей Муромский. Позже, уже на Куликовом поле, Дмитрий с Владимиром Андреевичем, Ольгердовичами и Дмитрием Боброком-Вольнцем (двоюродным братом Ольгердовичей и зятем московского князя), находившимся на московской службе с начала 70-х г., проводят новое уряжение полков. Подробности его не сообщаются, но в описании сражения говорится, что передовой полк ведут по-прежнему братья Всеволожи, а полки правой и левой руки – соответственно Микула Васильевич с коломенцами и Тимофей Волуевич с костромичами. Владимир Андреевич с Дмитрием Вольнцем возглавляет засадный полк³³.

Из названных в «Сказании» князей в перечне 1375 г. не присутствует никого, кроме Владимира Андреевича Серпуховского. Упоминание муромского и мещерского отрядов

³⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М.; Л., 1950. № 19. С. 54.

³¹ Мещера до 1381 г. оказалась под властью Дмитрия донского: в его договоре с Олегом Рязанским этого года она называется «куплей» московского князя (ДДГ. № 10. С. 29).

³² См.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 10.

³³ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 30, 34, 38–39, 41.

соответствует перечню 1386/7 г. Белозерские, ярославские и ростовские князья носили в эпоху Куликовской битвы другие имена, Глеб Брянский жил в первой половине XIV в., а княжеств-уделов Кемского, Каргопольского, Андомского (верно – Андожского), Прозоровского и Курбского еще не существовало³⁴. Таким образом, сведения «Сказания» о составе русского войска в целом достоверными признаны быть не могут; допустима лишь возможность участия в битве князей, перечисленных в числе воевод Владимира Андреевича³⁵.

Что касается НДубр-Арх., то здесь об «уряжении полков» говорится следующее: «И ставь ту князь великий, по достоянию полки разрядивъ и воеводы уничивъ. И быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣи вѣре самобратныя князи Ондрѣи и Дмитриеи Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевичъ, да князь Федоръ Романовичъ Белозерский. А у себя же имѣяше князь великий Дмитриеи в полку некоего боярина и воеводу Ивана Родивоновича Квашню, да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка, да князя Ивана Васильевича Смоленского. А в правой рукѣ воевода учини: князя Андрѣя Федоровича Ростовского, да Федора Грунку, да князя Ондрѣя Федоровича Стародубского, в лѣвой рукѣ воеводы учини: князя Васильевича Ярославского, да Лва Морозова, да князя Федора Михайловича Моложскаго. Въ сторожевомъ полку тогда воеводы учини: Михаила Иванова сына Окинфовича, да князя Семена Константиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружскаго, да Андрѣя Серкиза, инья же свои полки многи разрядивъ и воеводы учини; въ западномъ же полку въ дубравахъ утаивъ благороднаго и храбраго брата своего князя Владимира Андрѣевича, да с нимъ некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михайловича Воынца, да князя Романа Михайловича Брянского, да князя Василья Михайловича Кашинского, да князя Романовича Новосильского. Исполчився, поидоша противу себе»³⁶.

Перечень князей очень схож как с составом войска 1375 г., так и с перечнем «ратей» 1386 г. (См. таблицу).

В отличие от 1375 г. не упомянуты Дмитрий Константинович, князь суздальско-нижегородский, его братья Борис и Дмитрий Ноготь и сын Семен, устюжские князья Василий и Александр Константиновичи, один из ярославских князей-Васильевичей; вместо Романа Семеновича Новосильского фигурирует его сын. Все эти изъятия могут быть объяснены обстановкой кануна Куликовской битвы.

Нижегородско-суздальские князья после двукратного разорения Мамаем их земель – в 1377 и 1378 г.³⁷ должны были быть озабочены в первую очередь охраной своих владений. Устюжские князья могли воздержаться от выступления или не успеть на сбор войск из-за чрезвычайной удаленности их княжества от театра военных действий. Что касается Новосильского княжества, то оно лежало на пути Ягайлы, двигавшегося с запада к верховьям Дона на соединение с Мамаем; Роману Семеновичу было естественно отправить в помощь Дмитрию отряд во главе с сыном, а самому остаться оборонять свою землю от литовцев³⁸.

³⁴ См.: Памятники Куликовского цикла. С. 205–206, 210–211.

³⁵ Одним из источников «Сказания» был рассказ, восходящий к сведениям, полученным от участника битвы из полка Владимира Андреевича (см.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 16).

³⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 486; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 366 об. – 367; Шахматов А. А. О так называемой ростовской летописи. С. 24–25.

³⁷ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 93.

³⁸ Родословные книги свидетельствуют, что Роман перенес в Одоев из Новосия столицу княжества «от насилья от татарского» (Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 112), очевидно, после разгрома Новосия Мамаем в 1375 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 113), а согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», именно до Одоева дошли в 1380 г. литовские войска (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 35). Отметим, что в Новгородской IV летописи, источнике свода 1539 г. нет каких-либо упоминаний об Одоеве и новосильских князьях (которые могли бы натолкнуть составителя свода 1539 г. на замену Романа Семеновича сыном).

В отличие от 1386 г., в перечне НДубр-Арх, присутствуют Иван Васильевич Вяземский, Василий Михайлович Кашинский (в отношении обоих нет оснований полагать, что к 1380 г. они могли выйти из союза с Дмитрием), князья новосильские и тарусско-оболенские, сохранявшие союз с Москвой и в середине 80-х, и не упоминается об участии муромских и мещерских сил.

1375 г.	1380 г. (по НДубр-Арх)	1386 г.
Дмитрий Иванович, вел. кн. Московский владимирский	Дмитрий Иванович, вел. кн. Московский владимирский	Рати московская, коломенская, звенигородская, Можайская, дмитровская, Переяславская, владимирская, Юрьевская, костромская, Углицкая, галицкая, бежецкая, вологодская, Новоторжская
Владимир Андреевич, кн. Серпуховский	Владимир Андреевич, кн. Серпуховский	рати волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская
Дмитрий Константинович, кн. Суздальский, вел. кн. Нижегородский	–	рати суздальская, городецкая, нижегородская (в 1386 г.)
Борис Константинович, кн. Городецкий Семен Дмитриевич (сын Дмитрия Константиновича)	–	кн. Нижегородский Городецкий Борис Константинович, суздальский Семен Дмитриевич
Дмитрий Константинович Ноготь	–	
Андрей Федорович, кн. Ростовский	Андрей Федорович, кн. Ростовский	рать ростовская
Василий и Александр Константиновичи, кн. Устюжские	–	рать устюжская
Иван Васильевич «Смоленский», кн. Вяземский	Иван Васильевич «Смоленский», кн. Вяземский	–
Василии и Роман Васильевичи, кн. Ярославские	(?) Васильевич, кн. Ярославский	рать ярославская
Федор Романович, кн. Белозерский	Федор Романович, кн. Белозерский	рать белозерская (в составе великокняжеских)
Василий Михайлович, кн. Кашинский	Василий Михайлович, кн. Кашинский	–
Федор Михайлович, кн. Моложский	Федор Михайлович, кн. Моложский	рать моложская
Андрей Федорович, кн. Стародубский	Андрей Федорович, кн. Стародубский	рать стародубская
Роман Михайлович, бывший кн. Брянский	Роман Михайлович, бывший кн. Брянский	?

Роман [Семенович, □ кн. Новосильский □	(?) Романович, □ кн. Новосильский □	– □
Семен [Константинович, □ кн. Оболенский □	Семен [Константинович, □ кн. Оболенский □	– □
Иван [Константинович, □ кн. Тарусский □	Иван [Константинович, □ кн. Тарусский □	– □
– □	Андрей [и] Дмитрий □ Ольгердовичи □	? (Дмитрий [находился] [еще] □ на [московской] [службе] [и] мог □ участвовать [в] [походе] [с] □ ратью [Переяславля,] [который] □ он [держал] [с] [1380] [г.] □
– □	– □	рать [Муромская] □
– □	– □	рать [Мещерская] □

□ Итак, надо полагать, что если перечень князей-участников похода в НДубр-Арх и является позднейшей «реконструкцией», то реконструкцией весьма искусной (в отличие от «реконструкций», предпринятых в «Сказании о Мамаевом побоище», которые выдают себя анахронизмами) и, вероятно, близкой к реальности.

Собственно говоря, возможна два варианта объяснения появления фрагмента об «уряжения полков» Ндубр-Арх. В создании новгородского свода 1539 г. принимали участие представители московского боярского рода Квашниных³⁹. В текстах НДубр-Арх содержится ряд вставок, связанных с историей этого рода: под 6840 г. □ приходе предка Квашниных Родиона Нестеровича на службу в Москву, под 6845 □ о его походе на Литву, под 6845 – о помощи Родиона Ивану Калите, осажденному в Переяславле тверским войском (реально это событие имело место в 1305 г.)⁴⁰. Значительную часть сведений этих вставок есть основания считать достоверными, восходящими к преданию о происхождении Квашниных и деяниях их предков, живших в XIV столетии⁴¹. Рассказ об уряжении полков на Куликовом поле – явно ив вставок такого рода, т. к. боярин Иван Родионович Квашня назван там рядом с великим князем, т. е. первым в перечне воевод «великого полка». Следовательно, либо этот рассказ восходит к некоему письменному или устному источнику, связанному с родом Квашниных, либо он искусственно сконструирован при создании Свода [1539] на основе данных, имевшихся у его составителей источников об эпохе Дмитрия Донского, с целью возвеличивания заслуг Ивана Родионовича. Можно было бы предположить, что составитель перечня основывался на списке 1375 г. (имевшемся в Новгородской IV летописи – источнике Свода 1539 г.)⁴². Из «пропущенных» в НДубр-Арх семи князей пять в перечне 1375 г. были названы без указания на места княжений. Может быть, они не были включены в список [1380] по этой причине? Но это не объясняет отсутствия Дмитрия Константиновича, тестя великого князя, и замену сыном Романа Новосильского. Отсутствие в НДубр-Арх имен ярославского и новосильского князей также трудно объяснить при принятии предположения о

³⁹ См.: Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 354–358.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 478–479; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 310, 312. К этим же вставкам следует отнести фразу из послания Едигея к Василию I, отсутствующую в ранних вариантах этого памятника, донесенных Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописью: «Илью Ивановича, Петра Костянтиновича, Ивана Никитича; и хочеш на своємъ улусе княжити, и ты бы тѣхъ бояръ да иных старцовъ земскихъ многихъ, думал бы еси с ними добрую думу, да отъ тѣхъ бы еси отъ своихъ бояръ одинаго прислалъ к намъ съ старыми оброки, какъ еси давалъ царю Чанибѣкку, какъ бы твоему улусу шкоты не было» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 488; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 440 об.). Упомянутый первым среди «добрых думцев» Илья Иванович – Квашнин, сын Ивана Родионовича.

⁴¹ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 35–40.

⁴² Ср.: Скрынников Р. Г. Куликовская битва: проблемы изучения. С. 64; Живая вода Непрядвы. С. 558–559.

конструировании перечня на основе статьи 1375 г. В последней оба ярославских Васильевича — Василий и Роман — были названы по имени, первый имел определение «ярославский», и ничто не мешало бы вписать его имя под 1380 г. Вероятнее, что имена участвовавших в Куликовской битве ярославского и новосильского князей во время создания Свода 1539 г. либо не читались в имевшейся у его составителей источнике об уряжении полков (если он был письменным), либо были забыты (если источником было устное предание).

В перечне бояр пять из восьми названных погибли на Куликовом поле; их имена можно было взять из основного текста рассказа о битве⁴³, добавив к ним известных по другим источникам в качестве ее участников Дмитрия Михайловича Вольнца (упомянут в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище») и Ивана Родионовича Квашню (назван в «Сказании о Мамаевом побоище»). Но остается Федор Грунка, в других источниках о Куликовской битве не фигурирующий, но упоминающийся в родословцах⁴⁴. Среди погибших упоминаются такие бояре Семен Михайлович, Иван Александрович, Тимофей Васильевич Волуй (видный воевода назван и в начале летописной повести Новгородской IV летописи, в рассказе о выступлении войска Дмитрия в поход), а кроме того князь Федор Тарусский и брат его Мстислав⁴⁵; почему же они не вошли в перечень? Если же предполагать его достоверность, то отсутствие этих имен можно объяснить отсутствием их в источнике составителей Свода 1539 г., говорящем об уряжении полков. Эти лица, действительно, могли не командовать в битве крупными подразделениями: тарусские князья были, скорее всего, в подчинении их старших родственников Семена и Ивана Константиновичей⁴⁶, Тимофей Васильевич мог находиться при великом князе. Не исключено также, что командная роль Тимофея была забыта или что на его место в великом полку был подставлен Иван Родионович Квашня. Можно сказать, что список бояр не дает существенных аргументов для той или иной точки зрения на проблему достоверности текста об уряжении полков НДубр-Арх.

Исходя из целей составителей свода 1539 г., неясно, зачем надо было сочинять подробное «уряжение полков». Возвеличить Ивана Родионовича Квашню можно было, не прибегая к столь изощренной вставке — например, упомянув его рядом с Дмитрием Ивановичем а великом полку в сцене битвы или взяв сцену «коломенского уряжения полков» из «Сказания о Мамаевом побоище» и выделив в ней роль Ивана Родионовича (который там и так упоминался во вполне лестной роли — предводителя костромской рати). Более вероятным кажется, что фрагмент НДубр-Арх об «уряжении полков» опирался на ранний источник. Был он письменным или устным? Скорее второе. В тексте фрагмента имеется след ориентировки составителя Свода на статью 1375 г.: Иван Тарусский определен, как и из 1375 г., как «брат» Семена Константиновича Оболенского, и титул его записан как «Поружский» (под 1375 г. — «Торужский», под 1380 г. добавилась описка в транскрипции первой буквы)⁴⁷. В случае, если писец записывал устное предание, такая ориентировка на нюансы переписанного чуть ранее (несколькими листами выше) текста естественна (и не может служить аргументом в пользу реконструкции содержания фрагмента об «уряжении полков» на основе статьи 1375 г.); но она крайне маловероятна в случае, если писец располагал письменным текстом «уряжения». Вероятнее всего, фрагмент об «уряжении полков» был составной частью

⁴³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 321.

⁴⁴ См.: Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». С. 502.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 319; Вып. 2. С. 321.

⁴⁶ Мнение, что в перечне убитых назван князь Федор Тарусский, в действительности погибший в 1437 г. под Белевым (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л. 1966. С. 371–372) неосновательно: речь идет, скорее всего, об одноименном ему человеке, погибшем на Куликовом поле (См.: Памятники Куликовского цикла. С. 59).

⁴⁷ Ср.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 301 и вып. 2. С. 486; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 367; Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 25.

предания о первых Квашниных⁴⁸. Разумеется, за полтора столетия это предание (как и в случае с участием предка Квашниных в бою под Переяславлем [1305 г.]) могло приобрести пропуски и искажения⁴⁹. Вероятно, с большой осторожностью надо воспринимать данные о распределении князей и воевод по полкам. Но состав княжеств, чьи рати приняли участие в походе Дмитрия Ивановича на Дон, скорее всего, в значительной мере соответствует реальности.

Итак, суммируя данные ранних источников о Куликовской битве, сведения о походах Дмитрия 1375 и [1386/7 г., а также фрагмента об «уряжении полков» в своде 1539 г., можно полагать, что против Мамаю в августе [1380 г. выступили: во-первых, отряды с территории великого княжения, т. е. (судя по составу рати 1386/7 г.) от городов (и окружающих их волостей) Москвы, Коломны, Звенигорода, Можайска, Волока⁵⁰, Серпухова, Боровска, Дмитрова, Переяславля, Владимира, Юрьева, Костромы, Углича, Галича, Бежицкого Верха, Вологды, Торжка; во-вторых, силы из княжеств Белозерского, Ярославского, Ростовского, Стародубского, Моложского, Кашинского, Вяземско-Дорогобужского, Тарусско-Оболенского, Новосильского, а также отряды князей-изгоев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и Романа Михайловича Брянского и, возможно, отряд новгородцев; не исключено участие (в полку Владимира Андреевича) отрядов из Елецкого и Муромского княжеств, а также Мещеры. Таким образом, в походе приняли участие немного меньшие силы, чем в походе на Тверь 1375 г.

---

⁴⁸ О возможности существования в распоряжении составителей свода 1539 г. таких подробных рассказов говорит сюжет о Переяславском бое, весьма подробный (в т. ч. с упоминанием личных имен).

⁴⁹ Напрашивается предположение о преувеличении роли предка Квашниных, но следует помнить, что Иван Родионович действительно являлся одним из виднейших бояр Дмитрия Донского – в обеих духовных грамотах последнего он назван в числе свидетелей, причем одним из первых (ДДГ. № 8, 12. С. 25, 37).

⁵⁰ Упомянутую после Волока в перечне 1386/7 г. Ржеву следует исключить, т. к. до 1380 г. она принадлежала Литве (См.: Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 152).